Все зло в шоколаде!

Автор:
Юлия Фирсанова

Все зло в шоколаде!

Юлия Алексеевна Фирсанова

Кто она, Ивка? Княжна Валадара Ивэйда или менеджер Ирина Ивкина? Кто-то сочтет, что знает наверняка. Но стоит пошутить сумасброду Канатоходцу, и все летит вверх тормашками. Просыпается древнее наследие, и зло обретает вкус шоколада. И это – плюс! Потому что какао-бобы в новом мире не растут, а жизнь без шоколада не жизнь! Во всяком случае, сластена Ивка в этом уверена. А значит, идите сюда, вкусняшки, темный искус ждет вас!

Юлия Фирсанова

Все зло в шоколаде!

Пролог

– Убирайся и сдохни поскорей, толстуха! – появляясь в окне замка, хохотнул Дайжен и издевательски отсалютовал сестрице кубком с дымящейся кровью.

Сегодня утром ему преподнесли бычью. Ей не предложили и куриной. Хотя что первая, что вторая были для Ивэйды одинаково противны на вкус.
А человеческая, которую как-то нацедили из провинившейся служанки, показалась девушке еще более мерзкой. Тухлая вода, да и только. Она выпила, давясь от отвращения. Зря! Все равно пришлось выслушивать надменные

насмешки мачехи – лорры Триавды. Та окончательно оставила мысль о пробуждении материнского наследия Темного Искуса у падчерицы-неудачницы. Объявила, что Ивка годна лишь на то, чтобы увядший венок из легендарного плюща-ядоцвета в волосах таскать. Девушка тогда молча выслушала злые слова и, как обычно, побрела на кухню заедать страдания.

Пирожки у старшей кухарки Лайжи выходили вкусными. Жаль только, ни пирожки, ни мясо, ни иное блюдо не могли притушить надолго вечно грызущее чувство голода. Она ела, полнела, плакала от жалости к себе, глядясь в зеркало, и снова ела. Таскала пищу тайком с кухни или клянчила у сердобольных кухарок кусочек-другой. И опять ела…

А теперь не будет ни невкусной звериной крови, ни вкусных пирожков, ни ласковых рук Лайжи, небрежно похлопывающих ее по спине, ни жестоких насмешек брата. Ее выгоняют, выбрасывают за ворота родового отцовского замка. Бесполезная, никчемная, тупая толстуха! Никогда не была она нужна ни оставившей семью матери, ни погибшему на рисковой охоте за монстрами отцу, а уж другим и подавно!

Всхлипывая от бесконечной жалости к себе, Ивка плелась, волоча ноги, к воротам замка. Створки по этому случаю молча, отводя глаза, размыкали рослые стражники. Бокового малого прохода было недостаточно, чтобы начало ритуального пути свершилось по всем правилам.

Мачеха даже не показалась на глаза. Правда, в окне бокового крыла замка мелькнул строгий профиль отцовского советника Шетсара. Равнодушия в его взгляде не было, скорее можно было заметить проблеск задумчивого ожидания. Только чего ждать? И так понятно, что ее просто-напросто выгоняют прочь.

Звучно хлюпнув наглухо заложенным и распухшим от ночных рыданий носом, Ивка часто заморгала, пытаясь смахнуть слезы с набрякших век, и споткнулась на ровном месте. Неловко растянулась плашмя прямо посреди двора.

От души, запрокидывая голову, захохотал брат. Взметнулись черные кудри, засверкали ярко-изумрудные, как у отца, глаза. Дайжен махнул рукой не глядя и задел распахнутую створку окна кубком. Металл окантовки рамы пришелся на стеклянный бок посудины. Стекло осыпалось крошевом вместе с недопитой кровью, щедро орошая все вокруг – самого брата, его покои, стену замка,

площадь под окнами.

Захрюкали, подавляя смешки, стражники, принялся громко браниться брат, проклиная почему-то не собственную оплошность, а дурынду Ивку. Из псарни метнулись подлизывать кровь на плитах охотничьи собаки, за ними, смачно ругаясь, понесся псарь, пока звери не нализались ненароком толченого стекла. Заахала выносящая ведро помоев служанка, предчувствуя неизбежную уборку. Завертелась колесом обычная замковая жизнь, в которой уже не осталось места старшей дочери покойного хозяина. Хорошо еще на нее саму и капли крови из кубка не попало. Только это и было хорошо.

Провожать Ивку добрыми словами не вышел никто. Грохнули за спиной ворота в день малого совершеннолетия, навсегда отрезая от всего, что было раньше. Отсекая от самого права на жизнь.

Ритуальный путь, он же путь посвящения – звучит торжественно. А на деле все так, как сказал Дайжен: убирайся и сдохни. Ивэйда поправила тощий мешочек с ритуальными пожитками за спиной и двинулась по пыльной летней дороге в никуда. Цели, смысла, даже желания жить не было. Оказаться бы там, где она будет хоть кому-то нужна, да только все пустые мечты. Бесполезных неудачников нигде не жалуют.

Что она может? Против монстра, подобно отцу или стражам-воинам, в лесу не выстоит, охотой себя не прокормит. Даже в городе себя обеспечить не сможет. Что толку, что она плетет, вяжет, шьет, вышивает, рисует. Кому это все нужно? Никому! Таких умельцев везде больше, чем надо. В готовке же она полная бездарь, да что готовка, ее даже посуду на кухню в трактир мыть не возьмут. На одну чистую плошку три разбитых приходится. Неловкая она в домашних трудах – жуть!

Так, лелея скорбные думы и жалость к себе, время от времени отирая рукавом с лица безостановочно катящиеся слезы, шла по дороге Ивка, Ивэйда, княжна Валадара. Брела несколько часов, глотая пыль и размазывая по лицу слезы и пыль, до тех пор пока сквозь отчаяние, давящее на сердце, не пробилась явственная усталость и боль в натертых, непривычных к долгой ходьбе ногах.

Плюхнуться в траву на обочине Ивке не позволили жалкие ошметки гордости. Да, она изгнанница, может, даже смертница, но она дочь князя Валадара!

Именно силой ее отца до сих пор держатся рунные камни рубежей на дорогах и близ жилья, не пускающие монстров из лесных чащ резвиться.

Как ни старалась мачеха, а ритуальный зал властителя для нее даже двери не открыл. Не той она силы и крови. Все-таки Ночные Певуньи не ровня Властителям Тварей. Как Дайжену малое совершеннолетие справят, его черед будет двери отпирать. Но он-то точно сможет. На отца похож, как в зеркало глядись. Пока же, папиной силой заклятые, стоят рубежи надежно. Почти спокойно в княжестве, редко когда монстр из чащобы выйти осмелится, и все в одиночку, никогда стаей, как у соседей-эльфов. Там, сказывают, сгинул у дивных лорр-оль Дома, чье название Ивка вечно забывала, и всякому покою разом конец пришел, монстры в разгул пустились.

Ивэйда сошла с почти пустой по утреннему часу дороги и двинулась на приглянувшуюся полянку у светлой рощицы, к родничку и скамеечке. Пусть еды у нее с собой немного, зато вкусной воды вдоволь найдется, чтобы трапезу запить. Сначала поесть, а после завтрака она, может быть, соберется с духом и прикажет какому-нибудь крестьянину из тех, чьи телеги скрипели мимо, подвезти до городских ворот. А там… А там как-нибудь.

Понятное дело, путь ее лежит в храм Звездной Четверки. Но вправе ли она сразу его порог переступить? Разве она виновата, что сгинувшая мать почему-то посвятила ее Лайшеалле Жизнедарительнице, а не Деварду Мертвителю? Как ей пройти посвящение, как заслужить благосклонность Лайшеаллы? Невозможно, безнадежно… Где набрать милых сердцу богини деяний? Она эльфам покровительствует, не вампирам, даже таким нелепым, как Ивка. Такая распустеха и рохля даже Деварду, благосклонному ко всем темным народам, без надобности. Селадару Книжнику, Мастеру-творцу и Покровителю Торга, да и развеселому Вейхо Канатоходцу никчемушная темная девка тоже не надобна. Но вдруг Селадар, если она очень-очень попросит, захочет открыть ей путь посвящения?

Да, амулет посвящения с заранее выбитым именем на шею чаду с рождения вешается. Но ритуальный путь окончательно определяет бога для того, кто предстанет перед Звездной Четверкой в храме. И нового адепта для самого божества. Все может враз измениться, такое случается. Пусть и очень редко. Не всегда же отвергнутые богами помирают, не сходя с места, в храме Звездной Четверки. Скорее нечасто помирают. Может, и она кому глянется, а даже если не глянется, все равно выживет? Боги видят выше и шире смертных, вдруг да

разглядят в ней какой-то талант, который никому, даже самой Ивке, не виден.

С этими уже не настолько горькими, как поутру, нарочито разумными мыслями Ивка добралась до замшелой каменной скамейки у родничка. Присела, вытянув натруженные с непривычки и натертые новыми полусапожками ноги, распустила завязки на мешке с пожитками и сама не заметила, как умяла все съестное, что ей дали в дорогу: хлеб, колбасу, поджаристые пирожки.

Очнулась она, лишь бросив в рот последний кусок мягкого сыра и запив его водой из чаши родничка. Вернули девушку в печальный реальный мир вовсе не мрачные мысли о конечности запаса продовольствия, а непонятные звуки, раздавшиеся слева из кустов.

Это был то ли кашель, то ли хрип, слитый со щелчком. Ивка машинально затянула завязку на мешке и повернула голову. Тонкий раздвоенный язык мелькал в алой пасти некрупного чудовища. На нее с очень знакомым выражением – именно так она сама разглядывала фирменный ягодный пирог Лайжи – смотрели круглые золотые зенки.

Характерный щелчок повторился, а вслед за ним щелкнуло и в голове. Всплыла толика информации из бестиария в домашней библиотеке. Любила его полистать, обмирая от страха, домашняя девочка.

«Жало свое хвостокол хранит в костяном чехле, который раскрывает перед ударом по жертве», – так было написано под гравюрой в роскошной тяжелой книге.

«Я – эта жертва», – четко осознала растяпа и неловко вскочила со скамьи. Вроде и не она совсем недавно рассуждала о собственной никчемушности и почти пришла к мысли свести счеты с жизнью. Может, что-то такое и было, мало ли чего она в растрепанных чувствах навыдумывала. Сгинуть вот так, в двух часах ходьбы от родового замка, став завтраком для зверя, почему-то переступившего защитный контур у дороги, Ивка не желала совершенно.

Ужас накрыл княжну с головой. Девушка понеслась вперед, не разбирая дороги, путаясь в юбке, царапаясь о ветки, хлещущие беглянку по лицу и рукам. На правом запястье затянулась петля дорожного мешка, цеплявшегося за кусты. Почему-то ринулась невезучая девица вовсе не на проезжий тракт, где ей могли

бы помочь отогнать монстра, а вглубь леса.

Зверь, наверное, сам опешил от странного поведения добычи. Может, даже призадумался над ее пригодностью в пищу. Но спустя несколько мгновений задачка была решена не в пользу Ивки. Хвостокол начал преследование. Был он не самым крупным, быстрым и далеко не самым опасным из тварей в лесных владениях князя. Но упрямством хищник отличался неимоверным. Если решил загнать добычу, будет преследовать до конца. Разумеется, чаще всего до конца добычи.

Всхлипывая от страха и жалости к себе, чувствуя, как усиливается с каждым шагом колотье в боку и горят легкие, Ивэйда бежала, спотыкалась, падала, снова вставала и снова бежала, чувствуя, как все ближе раздается прищелкивание преследователя и как нарастает боль и усталость.

Выбилась из сил она быстро. Никогда в числе воинов, способных махать мечом и мчаться с утра до вечера быстрее ветра, не числилась и подражать им не пыталась. Ужас придавал беглянке прыти, но даже он не мог гнать ее вперед бесконечно долго. Слабое тело сдалось. Когда в очередной раз Ивка рухнула, запнувшись об узловатый корень огромного бальсана, то встать не смогла. Развернулась и поползла, пятясь, зачем-то пытаясь рассмотреть свою приближающуюся смерть.

Спиной уперлась девица в обширный ствол лесного великана, голова по инерции откинулась назад и глухо бумкнула о дерево. Пронеслась заполошная, безнадежная мысль: «Помогите! Помогите! Не хочу умирать! Спасите, Звездные! Заберите меня отсюда! Не хочу! Не так!»

Перестук входящего и выходящего из костяного чехла жала приближался, а с ним нарастало и ощущение неизбежного конца. Губы же продолжали шептать безнадежный призыв о помощи. Ивка настолько погрузилась в ощущение ужаса, что не поняла, в какой миг реальность изменилась: вот она сидит, опираясь о ствол бальсана, а вот летит, нет – уже падает на земляной пол, устланный сухой травой.

Девушка лежала так минуту, другую, третью, пока наконец не поняла, что она жива и где-то здесь, а смерть ее – хвостокол – остался где-то там. Неужели кто-то из Звездной Четверки услыхал ее молитву и снизошел?

Мало-помалу сердце перестало колотиться так, будто собиралось выпрыгнуть из груди, чуть утихла боль в боку. Ивка поднялась на подрагивающих ногах, осмотрелась в свете вечных ламп-грибов под низким потолком. Ни кровати, ни стула, ни лавки. Лишь коричневато-серые светлые стены не пойми из чего. То ли утроба гигантского дерева, то ли слежавшаяся глина. Под ногами шелестела сухая трава, терпкий запах которой не щекотал, а драл горло при дыхании. Следом Ивка заметила невысокий столб с миской на вершине, на две трети полной воды. В пересохшем горле давно уже скребли кошки, потому девушка недолго думая пришкандыбала к столбику и одним махом осушила всю миску.

Где-то на периферии послышался не то смешок, не то задумчивое хмыканье, а потом все вспыхнуло, будто разом над ней, под ней, вокруг и в самой Ивке очутилось ночное звездное небо. И луч одной крохотной звездочки вдруг удлинился, протянулся куда-то в невообразимую даль к другой звездочке, что горела схожим светом, и превратился в канат над бездной. Снова послышался смешок, и свет звезд смешался. Дальше, возможно, случилось что-то еще, но любительница выпить из чужой посуды в незнакомом месте уже ничего не видела.

Глава 1

Попала так попала…

Иринка Ивкина пришла в себя на сене. Не в стогу на лугу и не на сеновале в деревне у тетки. Сена было немного и покрывало оно земляной твердый пол небольшого помещения, формой являвшегося издевательством над четкой геометрией. Прямыми линиями тут и не пахло. Какие-то кривули безумного шляпника, забившего косячок с гусеницей. Только стола с чашками в комнате не хватает. Одна высокая тумбочка без ножек с миской посередине.

Чистый, ну или почти чистый – сено вроде бы свежее – минимализм. Зато в голове творился форменный сумбур, точно в офисе под конец года, когда все носятся перед клиентами как ошпаренные и пакуют эксклюзивные подарки. Тогда везде натыкаешься на папки, корзинки, банки, календари, оберточную бумагу, мишуру и прочую ерундистику и никак не можешь понять, что для чего предназначено и какого черта делает на твоем рабочем столе. И вообще, откуда

на нем груда чужих документов?

В данном случае роль стола играла голова Иринки, и порядка в ней не было. Кое-как поднявшись на ноги, девушка покачнулась и сообразила, что порядка нет не только в голове. Потому что тело было совсем не Иришкино – с вполне приятными округлостями и небольшим пузиком, а какая-то рыхлая, болезненная, расцарапанная квашня. Или все-таки все дело в голове, а все прочее лишь следствие? Но тогда почему она знает это тело, как свое? И память, те самые «папки на столе», они тоже кажутся подозрительно знакомыми!

Иринка сделала пару шагов, оперлась о тумбочку с полной пиалой, где плескалась прозрачная жидкость, вода, наверное. Не кислоту же туда налили в самом-то деле! И будто по чьей-то указке девушка взяла посудину и пригубила, а пригубив, вспомнила много слов на родном и любимом языке, красочно отражающих суть реальности. Впрочем, зачем разбрасываться эпитетами. По большому счету хватило бы и одного слова, того самого, в грубой форме именующего ягодичные мышцы на восьмую букву алфавита.

Ирина Валерьевна Ивкина, двадцати пяти лет от роду, старший менеджер регионального медиа-холдинга провинциального филиала испила водицу из ритуальной чаши четвертого бога Звездной Четверки – Вейхо Бродяги, Вечного Канатоходца. Испила и обрела злополучное озарение о причинах и следствиях происходящего.

Дело, оказывается, было так: жила-была в княжестве Валадар недалекая девчонка-вампирочка, матери не помнила, отца лишь мельком видала, образования, считай, никакого не получала, ни сил могучих, ни амбиций не имела. Думала всю жизнь как-нибудь за стенами замка отцовского отсидеться, да не вышло. Из дома ее мачехиными стараниями, как помер вечно лезущий куда-то на рожон папаня, поперли. Очевидно, чтоб дорогу младшему братцу расчистить. Отправили якобы в божественно одобряемое странствие, именуемое ритуальным путем, завершаемым принятием и посвящением бога-покровителя.

Обычное, в общем-то, дело, если по уму покровитель отцом-матерью выбран и сам кандидат чего-нибудь да стоит. Доберись из отчего дома до первого же храма Звездной Четверки, стань перед алтарем потенциального покровителя, хоть малое деяние в его славу совершив, попроси о принятии. Если медальон на груди, что с рождения у каждого висит, цвет поменяет, значит, принял тебя бог и толику силы своей даровал. Не принял, и после этого ты случайно не помер от

огорчения или божественного гнева, – марш странствовать дальше, вершить новые подвиги во славу божества. Легко? В принципе как-то да. Только у глупышки, талантами в вампирских сферах не блещущей, и матерью с какого-то перепуга богине-жизнедарительнице посвященной, все кувырком пошло. Не успела она даже до города и храма дойти, чтоб получить почти гарантированный отлуп и божественные тумаки, к нему прилагающиеся.

Дурочка-обжора у дороги местного мелкого динозавра встретила. От ужаса последний разум потеряла, понеслась сломя голову в чащу и в старое святилище Вейхо угодила. Прямо под нужным деревом из четырех, как близнецы похожих, на землю упав и о помощи взмолившись. Как испила из ритуальной чаши, так исполнил ее желание Бродяга Канатоходец – на свой, ясное дело, манер. Когда это боги так, как люди просят, делали? Никогда! Вейхо взял да отправил рохлю туда, где ей за жизнь насмерть биться не придется и родовой дар будить. А на место ее – пустоте-то не должно быть – ту душу дернул по канату звездному, которой тело более соответствует.

Вот тут Иринка по-настоящему разобиделась. Это она, что ли, такой квашней страшной с серыми лохмами и неснимаемым ядовитым плющом-венком должна быть? А кто ее спрашивал, согласна ли она на такой неприглядный обмен? Сказками и ужастиками, конечно, никого уже, кроме самых замшелых, не удивишь и не напугаешь. Самой Иринке про каких только невезучих и очень фартовых попаданок читать не доводилось, но одно дело читать, другое – реальность с квашней вместо тела, колючей травой в волосах и никакущими перспективами. Да уж лучше бы она в братца этой лахудры попала! Он хоть красавчик и сила какая-никакая есть! А из этого… Разве из г… конфетку слепишь? Так только в рекламе можно, не в жизни.

Вейхо ничего не ответил. Вернее, ответом стал раскрывшийся в сене люк прямо под ногами гостьи. Та рухнула вниз, но почему-то не глубже под землю, а на бережок небольшого озерца. Сверху на маковку, будто прицельно кидали – нет, точно прицельно! – шлепнулся тощий дорожный мешок вампирочки. Не зашиб, конечно, даже на этом вечно живом венке дурацком из шипов и зелено-красных листьев ни одного листа не сломал. Но обидно же до соплей!

О том, чтобы домой вернуться, мечтать Ивкина себе запретила сразу. На этот счет в памяти недвусмысленная божественная фига красовалась. Дескать, попала ты, девка, с концами и обратной дороги нет. Место занято! Она – там, ты – тут, и баста, карапузики. Дарованное божественным прохиндеем возврату и

обмену не подлежит.

Иринка девицей была пробивной, неунывающей, но совсем не дурой, поэтому только потерла макушку и шепотом, чтоб очередного местного монстрозавра не накликать, выругалась. А затем, забросив мешок на плечо, отправилась исследовать местность. Попереживать о своей горькой судьбинушке потом можно будет. Для начала надо выжить.

Что лежит в мешке – чуток одежонки, тупой нож, тощий кошель с четырьмя ритуальными монетами, – Иринка знала. Никаких перспектив он не сулил, в отличие от еще не изученной местности.

Вдруг именно здесь, за соседним кустом, ее ждет принц на белом коне? Ладно, не принц и не конь, главное, чтоб не козел, а просто кто-нибудь из местных, способный на дорогу вывести и указать, в какой стороне город Торжэл.

Опять же даже успешное выполнение первой части плана – прибытие в город на княжеских землях – вопроса не решало. Если княжне этой отправкой по ритуальному пути приговор вынесли, а она выживет, то лучше не отсвечивать. Куда подальше затесаться, чтоб целее быть. Мачеха баба упрямая. У эльфов, с землями которых граничил вампирский удел, все равно Ивке не место. Мало того что мрак из-за чудищ и не только на границах, вообще не сможет она, как и любой клыкастик, долго жить на землях, благословленных Лайшеаллой для дивнорожденных. Впрочем, и они в краях Деварда Мертвителя надолго задерживаться не захотят. В Найгссошс, к нагам, что в бесплодных пустошах и предгорьях селятся и в пещерах живут, она и сама не горит желанием соваться. Змеехвостые не любят чужаков почище эльфов. Каждому свой край предназначен.

Боги так заповедали, чтобы споров военных меж расами меньше было. Зато людские края открыты для любого. Люди – они везде люди, любого к себе могут принять и любого прочь турнуть, а выходцев из многих рас отовсюду к ним достаточно стекается. «Суп» выходит наваристый.

У любых других рас, скажем, у эльфа с вампиром, пусть хоть бессмертная любовь случится, о чем в принципе Ивка никогда не слыхала, общего ребенка не будет. У людей чуток попроще. Им любиться, если вдруг охота найдет (что тоже редкость!) все равно с кем, лишь бы размеры позволяли. Вот только родятся от

них лишь люди. Потому желающие хранить свою кровь с человеками не связываются и десять раз подумают, стоит ли на земли людские являться. Плодятся люди как кролики, впрочем, и мрут так же быстро от старости и болезней, если магией не подлечатся.

Но вообще с этими межрасовыми отношениями странно выходит. Вроде как тяги к созданиям иной расы никто особенной не испытывает. Торгуй, ругайся, соседствуй – это пожалуйста, а любви не получается. Нет притяжения и интереса.

Иришка тряхнула головой, отгоняя не ко времени всплывшую интригующую информацию. О таких тонкостях подумать можно после, а пока стоит сообразить, как целой, а не по кускам из леса выбраться. В животе предательски заурчало. Он снова был пуст и жаждал пищи. Но кормить его было нечем. Не траву же жрать или водоросли!

На природе что Иришка, что ее почти тезка-квашня Ивка ориентировались скверно. На уровне – это дерево, это куст, это трава, та синяя ягода вроде как съедобная (я ее в супермаркете видела), а все грибы точно поганки, потому что в природном виде мы их никогда не собирали. Для успешного самостоятельного выживания в краях, где монстрозавры вокруг бродят и булки на деревьях не растут, этого точно будет недостаточно.

Не без труда Иринка вскарабкалась на камень у воды и постаралась хорошенько оглядеться. Орать «люди, ау!» интуиция настойчиво не советовала. Но, кажется, слева от озера, за раскидистыми кустами местного ивняка, курился дымок.

Отряхнув путающуюся в ногах длинную юбку, под которой еще и штаны были поддеты для приличия, Иринка сползла с камня и осторожно направилась туда, где был виден дымок. Может же ей повезти, и там окажется какой-нибудь абориген, который за пару монет – про доброту душевную болтать не стоит – накормит ее и выведет на дорогу! Вроде как твари лесные костров еще жечь не научились и огнем не плюются, только ядом. Встречались в валадарских лесах разные монстры.

Девушка осторожно, насколько хватало координации хлипкого, отвратительно сбалансированного тела, в котором сейчас ныло все, включая мозг, пытавшийся приспособиться к новой владелице, тронулась в путь.

Неповоротливая туша воспринималась подневольной попаданкой как медвежья шуба, в которой Иринка, обмирая от жаркого солнышка поздней весны, шагала по траве вдоль пологого берега озера. Песчаными бело-искристыми косами и пальмами тут и не пахло, но вода выглядела чистой, а кое-где даже просматривалось песчаное дно.

Иришка купаться любила и бассейн посещала регулярно, но в плавучести рыхлой туши Ивки не была уверена. Та вроде как дальше чем по пояс в воду вообще никогда не заходила. Потому спешно кидаться в озеро явно не стоило. Кстати, неизвестно еще, какие там твари могут на глубине обитать.

Прежде чем начинать самоубиваться, надо все-таки постараться самовыжить и самоустроиться. А убиться – это самое простое и глупое. Хотя смыть пот и грязь Иришка бы не отказалась. И вообще, она стремилась сейчас двигаться и делать хоть что-нибудь, чтобы не рехнуться от осознания реальности и невозможности происходящего. Где-то там в ее теле, заботливо корректируемом на фитнесе, сейчас хлопает глазами недоделанная молоденькая туповатая вампирша, а она, Ирка, отдувается вместо нее. И это «сейчас» окончательно и обжалованию не подлежит. Чтоб благодетелю Звездному Канатоходцу Вейхо благодарно икалось столетие кряду! Нашел забаву! Ему фокусы с шутками, ей – чужой мир и тело.

Конечно, вечно занятые своей карьерой родители вряд ли вообще заметят разницу в поведении младшей дочери. Если у Ивэйды память Иринкина есть, то и на работе никто разницы особой не увидит. Своих детей и мужа у нее нет, любимый временно отсутствует. Но разница есть для Иришки Ивкиной! Вместо комфортного маленького городка, теплого офиса в трех остановках от дома (хочешь на маршрутке езжай, хочешь ножками прогуляйся) – опасный лес и неясные перспективы выживания. Именно их Иринка и собиралась сейчас прояснить, приступая к выполнению, как сказали бы любители компьютерных игр, первой части квеста.

К высоким кустам, почти заслоняющим светлый дымок, девушка подходила осторожно не потому, что кого-то боялась, сколько потому, что тело-квашня не слишком охотно слушалось новую хозяйку. Правда, закралась у попаданки мысль, что оно и старую-то вообще никак не слушалось и был меж ними полный разлад. А иначе разве запустила бы Ивэйда это тело до такого кошмарного состояния?

– Эй, ты, чего в кустах шаришься? – Мужской голос, вполне спокойный, даже чуть ленивый, раздался прежде, чем Иринка выбралась на малый пятачок у костерка. – Давай сюда поживей, пока стрелу на шум не послал.

– Я не шарюсь, я иду, – пропыхтела девушка, – дымок увидела и пошла. Ясных дней, звездных ночей, лорр.

Обогнув кусты, Иришка подошла к костру, на котором побулькивал котелок, испуская соблазнительный мясной запах. Рядом сидел мужчина в серо-зеленых одеждах из тех, какие носят в лесу охотники. На поясе у темноволосого собеседника человеческой расы висел здоровенный широкий нож, подле правой руки лежал арбалет с взведенной стрелой.

– О, девка! – окинув ее скептическим взглядом (уж больно неказистая девка-то попалась) констатировал охотник, игнорируя ответное традиционное приветствие. – И как ты сюда забрела? Одна, что ли?

– Ясных дней, звездных ночей! Я на ритуальном пути, лорр, потому одна, – честно (какой смысл врать, если тут на километры вообще никого и охотнику это, должно быть, отлично видно-слышно) ответила, еще раз поздоровавшись, Иришка. Вежливость еще никому не вредила. – Только я заблудилась, когда убегала от хвостокола. Подскажите мне, во имя Звездной Четверки, как выйти на тракт.

– Хвостокол… – разом подобрался охотник.

– Я далеко убежала, – торопливо заверила собеседника девушка, давая понять, что прямо сейчас нападения монстра ждать не следует и прислушиваться, чтобы услыхать характерные щелчки, тоже нет смысла. А можно наконец посочувствовать бедной беглянке и даже, к примеру, покормить тем, что так соблазнительно побулькивает в котелке.

– Повезло тебе, лорра, – между делом заметил охотник, продолжая отслеживать окружающие звуки. Язык говорил, а тело действовало. Мужчина встал, мягко ступая, двинулся вокруг полянки, продолжая держать нож в руке. Может, опасался, что девка, пока от одной твари убегала, привела за собой на хвосте еще половину здешней зубастой фауны, с которой ему не совладать?

– Наверное, – неуверенно согласилась Иринка. Она-то считала все происходящее в последнюю пару-тройку часов, начиная от момента попадания, весьма сомнительным везением. Или уж удачей с приставкой «не».

– Я о том, что не девкой помрешь, – неожиданно хищно ухмыльнулся до этого почти равнодушно поблескивающий карими глазами мужчина. – Раздевайся и на плащик ложись.

«Он чего, меня изнасиловать хочет, а потом убить?» – до ступора удивилась Ивкина.

В столь опасной ситуации девушке еще бывать не доводилось. Отшутиться и хлопнуть по руке хлебнувшего лишку знакомого – это одно, а мужик с ножом в лесу – это совсем другой расклад. Драться по-настоящему Иринка не умела, Ивка тем паче. Тело, конечно, заемное и никакущее. Удивительно, что на столь неприглядный объект вообще нашелся любитель, но все ж таки обидно, да. Вот так попасть и попасться. Сама ведь сюда на огонек пришла, идиотка доверчивая!

– Чего встала? Шевелись! Или порезать тебя для скорости? Хотя… – Охотник шагнул к жертве, уже не пряча лихорадочного блеска в глазах и участившегося дыхания. – Я могу сначала прирезать, а потом все остальное. Мне особой разницы нет.

Рука метнулась к девушке, сверкнуло лезвие ножа. Что было дальше, Иринка не смогла бы объяснить или разложить на действия поэтапно ни за какие коврижки. Она лишь помнила шелест листьев в волосах, ставший громким, как барабанный бой, приятную ломоту в зубах и шоколадный вкус любимых трюфелей с ромовой пропиткой во рту.

Глава 2

Новое «платье»

День клонился к закату, хотя вроде как совсем недавно было обеденное время. Костер под котелком потух. От мелких углей, запорошенных пеплом, едва заметно тянуло теплом. Несостоявшегося насильника и убийцы нигде видно не было. Иришка сыто икнула и села, закрутила головой. Куда он делся? Передумал и ушел, оставив ей свои пожитки как компенсацию за испуг? Котелок, заплечный мешок, взведенный арбалет тоже? Болван, кто же оружие в таком виде оставляет! И что это за груда шмотья рядом валяется? Очень раскаявшийся охотник перед тем, как уйти, разделся и оставил ей не только свой скарб, но и всю одежонку, включая сапоги?..

Иринка легко вскочила на ноги и ойкнула: одежда, обувь, нож в кучке вещей рядом, как и угольки костерка, были припорошены чем-то мелким и серым, но вряд ли пеплом. Девушка почесала лоб и снова ойкнула – рука ее ничуть не походила на пухлую Ивкину лапку. Тонкое изящное запястье с нежной кожей, под которой бегут голубые жилки.

«Меня что, в другое тело перезасунули? Тогда почему одежда та же, фасона безразмерный балахон?» – окончательно запуталась попаданка.

В голове шумело, будто она чуток выпила, все казалось легким и не очень существенным. Кроме – девушка она или не девушка! – внешности. Решительно подхватив юбку, Иринка поспешила к воде. Иного зеркала в округе не имелось.

Стоянку ее исчезнувший убийца выбрал удачную. Если не кустами пробираться, а напрямую двигаться, то одно удовольствие бежать. Или все дело в легком, звенящем от переполняющих его сил теле?

Пологий травянистый склон привел Иришку к озерцу. Попаданка склонилась над водной гладью. Оттуда на нее смотрела изящная худенькая вампирочка в несоразмерно больших одежках Ивэйды. Все, от блузки до штанов под юбкой, было знакомо. Вот только тело в бесформенных тряпках изменилось до неузнаваемости. А спутанные грязные волосы серого цвета украшал не красно-зеленый моток чего-то похожего на помесь колючей проволоки с сорняками, а веселый зелененький веночек, обильно усыпанный беленькими цветочками, похожими по форме на миниатюрные ромашки. Плющ-ядоцвет в пору цветения.

Личико-сердечко, темные дуги, может, лишь малость густоватых бровей, высокие скулы, длинные реснички, розовые пухлые губки – молоденькая

девушка была очень миленькой. Ее не портил даже несколько хищный вырез ноздрей аккуратного носика и острые кончики маленьких ушек. Только незнакомка была слишком грязной, чуть ли не сальной на ощупь под широкими одеждами. Иринка ощутила, как невыносимо чешется все тело, и решилась. Снова сбегала к костру за необходимыми вещами и, быстро скинув все тряпки, зашла по пояс в воду.

Если внутри головы туман, самый первый и верный способ его прогнать – вымыть голову снаружи. Так что, добросовестно следуя собственной гигиенической заповеди, Иришка присела в теплую как парное молоко воду и принялась полоскаться, используя прихваченную из мешка жесткую, как наждак, мочалку и мягкое травяное мыло из горшочка.

Пропылившееся, пропотевшее, претерпевшее странные метаморфозы тело благодарно млело и очищалось стараниями новой владелицы. Насколько помнила Иринка, Ивка всегда мылась, не снимая венка, потому и сама не стала выдирать его из прически. Теперь он не мешался и не кололся совершенно, воспринимаясь частью тела, как кожа или волосы.

Купание заняло не меньше часа. Иринка не успокоилась, пока не отмыла до скрипа тело и волосы, заодно с несъемным венком. Декоративный элемент, между прочим, в процессе банных процедур не потерял ни единого листика или цветочка. Будто и впрямь был не настоящим растительным, а неубиваемым пластмассовым. Странное растение странной формы, произрастающее на голове с тех давних пор, как листок из венка матери упал на головку младенца при рождении, формируя венок. Функций его ни Ивэйда, ни тем более новая хозяйка тела не ведала. Вроде как такую же фиговину в волосах каждый в роду матери – вампиров Темного Искуса – таскал, а зачем-почему, никто в окружении юной княжны не ведал или рассказывать не желал. Больше никто из вампиров живыми цветами-украшениями не щеголял. Эльфы, дриады, лесные феи – те да, частенько плели веночки и носили как невянущие украшения. Но уже в пору более взрослую, а никак не с младенчества.

Пока мылась, Иришка снова ощутила легкий голод. Бегом вернулась к стоянке. Котелок с горячей кашей, приправленной изрядными кусками мяса, оказался очень кстати, как и деревянная ложка, которая была в нем почти утоплена.

Вместо одежды пока сошли запасные штаны Ивки из мешка, сейчас висящие на владелице, как брюки клеш, согрешившие с турецкими шароварами, и нижняя

рубашка, после похудания больше тянущая на укороченную ночнушку. Впрочем, на подиум прямо сейчас девушка выходить не собиралась, а местной живности ее внешний вид был совершенно безразличен, в отличие от вкуса.

Подсохшие у вновь разожженного костерка волосы при ближайшем рассмотрении тоже претерпели изменения. Вместо тускло-серой мочалки, с трудом поддающейся попыткам разобрать космы, они превратились в гриву оттенка светлого перламутра, поблескивающую в лучах закатного солнышка. Экзотично, но красиво. Да еще волосы буквально сами распадались на пряди от малейшего касания гребня и на венок не наматывались и ничуть не путались.

Ограничив прическу банальной косой, Иринка не спеша лопала превосходное варево из котелка, слушала птичий щебет, квакань лягушек и попутно задавалась чисто теоретическими вопросами.

Первое: как у сволочи-охотника вышла такая вкуснятина, если у самой Иринки даже на плите ничего подобного приготовить не получалось? Второе: куда он все-таки делся? Третье: почему жуткий, неустанно гложущий голод, мучивший тело еще утром и днем, сам собой прошел за время не то сна, не то обморока? И четвертое, но, наверное, самое главное для каждой девушки: с какого перепугу несуразная толстуха вдруг одномоментно стала миленькой стройняшкой без всяких диет, китайских таблеток и спортзалов? Какая-такая магия божественного уровня в этом поучаствовала? А если поучаствовала, то какого лешего ее не применили сразу, заставив попаданку хорошенько помучиться?

И тут девушку постигло новое откровение, прямо связанное с ответами на последние вопросы.

Очередная ложка не то густого супа, не то жидкой каши до рта не добралась. Выпала из разжавшихся пальцев назад в котелок. А все потому, что Иринка вспомнила. Вернулась сбежавшая память о последнем дне, и сразу стало ясно, куда пропал маньяк-охотник. Она, Иринка, точнее, вампирка Ивка, его банально съела, то есть выпила!

Вместо того чтобы ощутить тошноту, подкатывающий к горлу кислый комок, дикие угрызения совести и отвращение к себе – как же, она убийца! – девушка снова почувствовала во рту вкус любимого шоколада и невольно облизнулась.

Кажется, попадание в тело особы другой расы не прошло бесследно для ее психики. Разбить голову о ближайшее дерево или утопиться в озере с камнем моральных мук на шее не хотелось. Вот ничуточки! И, окажись девушка снова в такой ситуации, когда надо выбирать: жизнь отморозка-убийцы или ее собственная, выбор бы сделала тот же в свою пользу уже сознательно.

Выловив ложку из котелка, Иринка Ивкина принялась вспоминать, так сказать, процесс питания более детально. Все началось, когда маньяк-охотник подошел ближе, угрожая ей ножом. Страх, смешанный с недоумением, который чувствовала в тот момент Иринка, мгновенно сменился иным чувством. Или правильнее будет сказать – инстинктом? Инстинктом, который никогда прежде почему-то не срабатывал у рохли Ивэйды. Почему? Возможно, ей не попадался подходящий по вкусу «продукт». Или сама Ивка-вампирка родилась дефектной, чего-то в ее голове не хватало, чтобы запустить наследственный механизм выживания и питания, корректирующий все прочие процессы в организме?

А у попаданки Иринки это вышло! Хотя, может, все дело было в том, что безвольная девочка из замка никогда не оказывалась на грани жизни и смерти. Самым большим ее горем были небрежные оскорбления родных и презрение челяди.

Как бы то ни было, но угроза и манящий запах охотника сделали свое дело: Иринка-Ивка, ведомая инстинктами, метнулась к жертве и впилась в шею прорезавшимися клыками. И тут снова случилось кое-что интересное.

Мало того что вместо противного вкуса крови во рту у начинающей вампирши возник вкус трюфелей. (Вот не мыслила себя Иринка Ивкина без шоколада во всех его видах и формах!) Так еще и живодер не заорал матерно, не попытался пырнуть нападавшую ножом и отбросить ее от себя, а застонал, закатывая глаза и подставляя шею лишь сильнее. Он вообще не сопротивлялся, когда девушка насыщалась. И блаженная дурацкая улыбка с его физиономии не сходила, и стоны раздавались совсем не болезненные.

Она, впрочем, пила недолго, буквально минуту-другую, а потом счастливая жертва рухнула там, где стояла, и плоть рассыпалась пылью. Или, как оно называется, прахом. Словно не осталось в нем больше ничего иного, после того как убийца стал пищей для несостоявшейся жертвы. Похоже, вместе с кровью она забрала всю жизненную силу.

Иринка готова была биться об заклад: именно «съеденный» охотник стал причиной метаморфоз, которым подверглось рыхлое тело вечно голодной недотепы Ивэйды. Если ей какая-то специальная кровь требовалась, то ничего удивительного, что бедная девка никак не могла насытиться и лопала как не в себя, отчего толстела, впадала в депрессию, снова лопала, заедая печаль, и толстела еще больше. Замкнутый круг. Вернее, лента Мебиуса. Ведь чтобы насытиться, Ивке пришлось вывернуться наизнанку и стать Иринкой.

Это-то подходящее питание и запустило наконец крепко спящий наследственный механизм корректировки внешности, веса и прочего, включая цветоизменение волос и венка из плюща-ядоцвета в них. Сейчас, если вспомнить портрет матери в дальней галерее, куда его засунули после ухода княгини, становилось понятно, чья Ивэйда дочка. Она стала почти полной копией матери, с той лишь разницей, что у лорры Ивиалиды перламутровые волосы еще и вились мелким бесом, а Ивке достались плавные волны отцовской полночно-черной гривы. И уход матери, кстати, тоже становился понятен с кулинарной точки зрения. Если в замке Валадара нечего кушать, то надо идти туда, где пища имеется.

Ну что сказать… Неожиданно, конечно, все приключилось, но претензий к такому роялю Иринка не имела. Пусть стоит в кустах, а можно и прямо на дороге, и вообще, даешь попаданке поневоле побольше всяких разных полезных для жизни роялей! Будем жить под лозунгом: «Слава массивным музыкальным инструментам!»

Девушка улыбнулась и вернулась к размышлениям. Иринка точно сказать не могла, какие еще приключились изменения, кроме телесно-похудательных метаморфоз и перекраски волос вместе с венком. Спящих возможностей вампиров рода Темного Искуса до конца могли не знать не только сама Ивка, но и все обитатели княжеского замка. То, что прощупывалось и отражалось на водной глади, новая обладательница тела изучила. Касательно всего остального узнавать не очень-то и спешила. Сначала еда, а потом размышления о проблемах.

Каши в котелке осталась ровно четверть, как раз на поздний ужин. Хотя у охотника в пожитках имелись окорок, сыр и хлеб, не говоря уж о тощем кошеле с монетками. Бо?льшая часть сбережений, правда, была припрятана в схроне на берегу речки.

Иринка резко оборвала рассуждения, в процессе которых успела снять стрелу с арбалета, убрать ее в чехол и ослабить тетиву.

Откуда она все это знает? Ответ пришел так же быстро, как память о трюфельной трапезе: ей досталась толика памяти и навыков извращенца-охотника, промышлявшего, по правде сказать, не только и не столько ловлей зверья, сколько садистскими убийствами одиноких путников обоего пола.

Вслед за первым откровением прилетело и следующее: мечта идиотки, волею божественного Канатоходца Вейхо, сбылась. Она находилась не в родных монструозных лесах родного княжества Валадара, а в людском королевстве Дилмар, чьи границы были столь же богаты экзотическими тварями-стражами. Просто чтоб не шастал народ где ни попадя! Королевство своей провинцией Мелад вклинилось меж западной оконечностью родного края и эльфийскими кущами Лильдэнола.

Что еще надо для счастья попаданке? Затеряться на просторах людских земель – чудесная идея! Она так и собиралась поступить изначально. Собиралась, ага, до тех пор, пока снова не глянула в воду, спустившись помыть ложку. Перламутрового отлива волосы, цветущая трава в патлах, жемчужно-белые клычки во рту – прямо скажем, потеряться с такими данными можно, лишь надев чадру. Увы и ах, среди людей и соседствующих с ними нелюдей носителей столь оригинальных головных уборов, способствующих маскировке, не имелось. Нет, очень светлые волосы нужного оттенка и живые веночки встречались у эльфов из древних родов, но такие личности в изобилии по Дилмару в одиночку точно не бродили.

Оставалось надеяться на некоторые обстоятельства. «А» – ее появление в людских землях никем не предусмотрено. «Б» – те, кто Ивку-рохлю знает в лицо, ее с ходу точно не признают, даже если в городе окажутся. И «В» как вишенка на торте – смутная надежда: а может, коль она пропала, ее и искать не станут? Иринке лично унылый замок покойного папеньки Ивэйды и все гектары владений, к нему прилагающиеся, на фиг не сдались. Не видела она себя в роли местного губернатора области. На фиг, на фиг, ничего нет хуже административной работы!

Конкретно сейчас Иринка хотела добраться до окраины леса, не попав ни к кому на обед, и распотрошить заначку бандита. Экспроприировать экспроприированное и с этими капиталами заявиться в город.

Как говорится, не в деньгах счастье, но лучше плакать в «мерседесе». «Мерседесов» в здешних краях еще не сконструировали, зато, если будут деньги, появится шанс обзавестись недвижимостью в городе. Какой-нибудь скромный домишко Иринку бы вполне устроил. Можно с кошкой в придачу.

Правда, цен на недвижимость в людских городах ни Ивка, ни тем более сама Иришка не ведали. Юная вампирочка только знала, что у людей свои монеты чеканят, но и все прочие у них хождение имеют, чтоб разница торговлишке не мешала.

«Кстати, водятся здесь кошки? – задала себе очередной мысленный вопрос Иринка, вороша одежонку Ивки и вещи бандита в попытках подобрать какие-нибудь пристойные походные шмотки, и огорченно констатировала: – Не водятся! Значит, заведем какого-нибудь другого пушистика, чтоб его тискать и получать релакс от глажки и мурчания».

С одеждой, как и с кошками, ситуация оказалась безрадостной. Вещи и обувь охотника были ей безнадежно велики. Шмотье Ивки, мало того что грязное и местами после бега по пересеченной местности драное (не пострадал только неубиваемый плащ эльфийского шелка), тоже не годилось. Пришлось довольствоваться тем, что есть, и швейным набором вампирочки. Вышивать бывшая владелица тела умела, шить тоже, пусть последнее не особо жаловала. Сама Иринка с иголкой не очень-то дружила. Ее максимум – вернуть на место оторванную пуговицу блузки и подрубить штанины брюк. Но куда деваться с подводной лодки? Спустя почти час издевательств над тканями, иглой и своими собственными бедными пальцами – в этом мире до сих пор не придумали наперстка – Иринка закончила портновские труды.

В результате у швеи-нелюбительницы из вещичек Ивэйды получились майка, трусы-панталоны на веревочках, обычные штаны, юбка из трети платья повышенной парусности. А жилет вкупе с желтоватой, но чистой рубашкой достались от щедрот покойного охотника. Над вещами убийцы, кстати, пришлось издеваться поменьше, чем над широченными девичьими.

Будь ее воля, Иришка вообще юбки не надела бы, обошлась штанами. Но милый сердцу элемент одежды особами женского пола не рассматривался как самостоятельная часть гардероба. Его поддевали под юбку, и тогда – и только тогда – в юбке разрешались разрезы для облегчения посадки на ездовое

животное или для путешествий. В штанах щеголяли исключительно женщины облегченного поведения и гномки. На первую разновидность Иринка походить не хотела, за вторую при всем желании сойти бы не смогла. Квадратурой фигуры не вышла.

Тяжкие швейные труды завершились уже в сумерках. Пришлось даже разжечь костер, чтобы осветить фронт работы. Умения покойника снова пригодились. Никогда прежде Иришка не разжигала огонь с такой ловкостью, причем используя незнакомый набор из двух камней вроде кремня с кресалом, но дающий куда более крупные искры с первого же удара.

Магии в этом примитивном орудии не было. В здешних краях волшебство, как поняла Иринка, спешно переворошившая память Ивки и маньяка-охотника, применения не имело. Вся магия сводилась к нанесению знаков, даруемых Звездной Четверкой своим адептам и действующих весьма специфически и избирательно. То есть целитель, которому покровительствовала Лайшеалла, мог начертать на больном знаки, изгоняющие болезнь, и прогнать недуг, но попытайся те же знаки применить тот, на груди у кого не имелось знака богини, – и рисунок остался бы просто рисунком. Даже если какому-нибудь смертнику, готовому навлечь на себя божественный гнев из-за неправомерного использования, каким-то образом удалось накорябать нужные знаки. Последними можно было сделать многое, но моментального и разрушительного действия они не имели. Поэтому, возможно, оставались неизменно востребованной, но довольно узкой отраслью для избранных на стыке искусства и ремесла, освоение которой требовало изрядной кропотливости и усердия. Потому Иринке без благословения богов сейчас магия вообще не светила никакая, хоть обчертись. Но она в книги с божественными знаками никогда носа не совала, поэтому ничего, кроме «палка-палка-огуречик» изобразить бы не смогла.

Иронично размышляя о том, что не быть ей крутой попаданкой-магичкой в какой-нибудь академии с принцами инкогнито, девушка закончила возиться с одеждой. Вовремя! Стемнело окончательно. Хорошо, что с постелью возиться не пришлось. На счастье попаданки, охотник собирался ночевать тут и не поленился нарубить лапника на подстилку. Нет, как сделать такую кроватку, Иринка и сама теперь знала не хуже покойничка, только чего трепыхаться, если уже все сделано за нас? Словом, попаданка воспользовалась уже имеющейся заготовкой. Поверх навалила собственные тряпки и листья местного лопуха-гиганта – кошша, оборвав здоровенный куст рядом. Неплохая получилась

постель.

Лежала Иринка-Ивка на лапнике, вдыхала смолистый аромат, пялилась на яркие крупные звезды – по местной религии место обитания Звездной Четверки божеств. Мысли текли ленивые и сонные. О случившемся и непоправимом Иришка никогда не жалела, что сделано или сделалось, уже есть, так что ж теперь космы рвать. Только прическе и нервам урон, а смысла никакого.

Перспективы, правда, теперь появились чуть более светлые, чем те, которые маячили перед предыдущей владелицей тела. И, чего уж греха таить, теперь ее новая внешность Иринку совершенно устраивала. Девица-вампирочка с серыми, с перламутровым отливом глазищами, роскошной шевелюрой и отличной фигуркой без намека на пухленький животик вышла миленькая. Куда симпатичнее Иринки Ивкиной. Нет, она бы и сейчас в любой момент с радостью вернулась в себя и к себе, но коль нельзя, так будем пользоваться тем, что получили. И устраиваться! Тупая лягушка в кувшине и та масло из молока сбила, а неужто она, Иришка, не адаптируется назло всяким Вейхо, чтоб им там на звездах икалось без устали.

Правда, пока вопрос вампирского (или вампирического?) питания виделся девушке туманно. Но прямо сейчас чувство глубинного голода, толкавшее Ивэйду жрать все подряд, а Иришку закусить маньяком-охотником, не проявлялось даже смутно, и девушка решила не переживать.

В конце концов, она в город идет. И в нем точно водятся не только приличные люди, но и те, которые захотят обидеть симпатичную одинокую девушку, оказавшуюся в неподходящем месте в неурочный час. А там, глядишь, у юной вампирши снова сработает пищевой рефлекс, встающий на защиту хозяйки, питающий ее и снабжающий всякими полезными ништяками.

Нет, круто все-таки здешние вампиры устроились! Метаморфам, тем, от которых папа Ивкин пошел, с кровью звериные дары перепадали: сила, ловкость, способность к изменению тела в бою. Ночные Певуньи (мачехин род) своим голосом любого могли зачаровать и тем врагов одолеть. А Ивэйде от матери из загадочной линии Темного Искуса, оказывается, не только ветка плюща-ядоцвета при рождении на голову упала, но и способ питания. При такой манере кушать жертва не только не трепыхалась, давая голодному вампиру спокойно трапезничать, но и оставляла после себя имущество с багажом полезных знаний в придачу. Причем именно полезных!

Биографии или даже ФИО охотника-маньяка Иринка в наследство с его кровью не получила. А вот кой-какую память об имуществе обрела вместе с навыками жизни в лесу, включая умение ориентироваться на местности. Насчет имущества, впрочем, в первый день клыкастая девица до конца пока не разобралась. Про содержимое походного мешка знала досконально, будто сама укладывала, о монетках в лесном тайнике тоже, а что дальше там у покойника было за пределами леса – оставалось неведомым. Или у него больше ничего не было? Убивал, грабил, тратил и снова на дело шел? Или слишком тесно была завязана недополученная информация на личность маньяка?

Так, рассуждая о перспективах, преимуществах, недостатках и планируя завтрашнее путешествие, Ивка уплыла в сон. Нападения хищников она больше не боялась совершенно. Почему-то теперь в душе поселилась спокойная уверенность – она в здешних краях самая страшная и вовсе не из-за наличия невзведенного арбалета и большущего ножика. Пусть теперь ее боятся, а не она всяких хвостоколов, микриков, шиполапов и верзехрюков. Нет, верзехрюки, кажется, были из совсем другой истории. Впрочем, не важно, пусть все равно боятся! Будет нелишним.

Ночью Иришке приснилось, будто она снова в деревне у тетки, спит на диване, а на ней вытягивается, придавливая тяжелым пушистым тельцем, Маруська – вечно беременная толстая кошатина повышенной длины и мягкости. Сквозь сон Иринка погладила кошку по мягкой длинной шерстке, почесала под подбородком и под довольное мурлыканье любимицы заснула еще крепче.

Глава 3

О Марусе и сокровищах

Утро ввинтилось в уши попаданки звонким птичьим щебетом. Пернатые громогласно извещали всех в лесу, что солнышко высоко, а до заката далеко и первый червяк засоне не светит. Иришка, в жизни не кушавшая червей, на птичьи доводы плевать хотела. Она сладко потянулась, невольно отметив, что пушистая длинная тяжесть, казавшаяся ночью частью сна, никуда не делась. Пальцы машинально почесали ткнувшуюся в руку мордочку под подбородком,

а потом глаза распахнулись пошире. И еще шире, и еще, оставив далеко позади классических представителей анимэ. Сердце же просто замерло в груди, потому что на животе у девушки разлеглась пушистая, жемчужно-белая, под цвет волос Ивки, змеюка.

Дремлющая паразитка приоткрыла один жемчужно-серый глаз и довольно зевнула, являя пасть не в два, а скорее в двадцать два острых клыка.

Маскарадница – самая ядовитая змееподобная тварюшка в здешних лесах, способная менять цвет шкуры, как хамелеон, грелась на Иришке и кусаться не спешила. В бестиарии, в разделе легенд, Ивка читала сказки о том, что порой маскарадница выбирает себе в качестве постоянного спутника разумное создание, чаще всего эльфа. И тогда цвет ее глаз меняется, уподобляясь цвету радужки спутника, шерсть соответствует цвету волос избранной жер… короче, счастливчика.

Возможно, мелькнула в голове саркастичная мысль, пресмыкающиеся пытались выбрать себе в спутники создания и иных рас, а не только эльфов. Но стоило кандидату поутру проснуться со змейкой на груди, как либо одним кандидатом, либо одной маскарадницей становилось в мире меньше. А эльфы – они странные, потому и шансы на личную выживаемость при утреннем свидании с ядовитой тварью имели повыше прочих.

– Ага, значит, теперь у меня есть кто-то вроде фамильяра, – рассудила вслух Иришка и на пробу погладила ядовитую зверушку еще раз. Змея замурлыкала совершенно по-кошачьи, чем окончательно растопила сердце девушки, и она постановила: – А что? Раз кошек тут не водится, будешь вместо них, Маруся! Только, чур, меня не кусать, не то помру невзначай.

Вместо ответа пасть змеюки метнулась, клычки прихватили Иришку, куснули, но ничего – ни боли, ни жжения от разливающегося яда та не ощутила.

– Это ты хочешь сказать, что мне теперь твой яд не страшен? – догадалась девушка через десяток секунд, так и не дождавшись личных предсмертных корчей. – Ну и отлично! Тогда и позавтракать можно.

Хлеб, сыр, окорок (им пришлось делиться с Марусей), вода из озера – вот и весь завтрак попаданки, занявший не более четверти часа. Перекусив, Иринка

занялась сбором вещей. Бросать что-либо из имущества охотника не позволила жадность, самолюбиво именуемая практичностью. Все вещи у злодея были добротными и качественными. Единственное, что сделала наследница, так это распустила завязки своего убогого мешка и засунула туда чужую сумку-рюкзак. Все равно внутри пустого места было более чем достаточно. Еду съела еще прежняя Ивка, одежда, в которой она по лесу носилась от хвостокола. теперь только на тряпки годилась, а больше у недотепы, кроме тощего кошеля и пары безделиц, ничего и не было.

Топорик и арбалет как раз идеально замаскировались, будучи завернутыми в остатки юбки и притороченными к мешку. Иринка думала, что тяжеловато получится, но нет, когда за плечи забросила, особого веса не ощутила. Может, рукоять топора и ложе арбалета из какой-нибудь легкой, особой древесины делали? Или она сильнее себя прежней и прежней Ивки стала?

Уложив вещи и попрыгав с ними, чтобы проверить, ничего ли не ерзает в сумке, не бренчит и не съезжает так, чтобы тыкать в спину острым углом при ходьбе, Иришка собралась в путь. Огляделась, не забыла ли чего, и уперлась взглядом в терпеливо ожидающую ее на подстилке Марусю. Красивую змею с перламутровой шерсткой, длинную и, прямо скажем, увесистую. Пусть пяток кило, но пяток кило на своем горбу в дополнение к общему весу поклажи это не пятьдесят граммов газового шарфика. Маскарадница совершенно очевидно собиралась отправиться в путь вместе с Иришкой и, как подозревала девушка, на Иришке. Куда положить змею – вот вопрос, дополненный другим – куда эта самая змея захочет уложиться?

Чтобы не гадать зря, Иринка спросила:

– Идешь со мной, Марусь?

Та вместо ответа сжалась в пружину, взвилась и практически в один миг оказалась на груди, обвилась вокруг шеи Иришки, и впрямь повиснув на ней симпатичным шарфом под цвет волос. Что еще более удивительно, змея не ощущалась неприятной и чуждой тяжестью. Она словно слилась с девушкой, став частью ее личного веса.

Проверять и ставить эксперименты снять-надеть-попрыгать с Марусей и без Маруси попаданка не стала. «Работает – не трогай!» – постулат, действенный не

только в среде программистов. Так и двинулись они, девушка и змея, через чащу леса к ухоронке охотника. Обильной росы не выпало, потому движение по тропинке к озерцу, проложенной травоядными вильяхами, породой местных безобидных олешек, было почти удовольствием. Почти, потому что даже вампиры, как оказалось, не застрахованы от атак комаров. Почему-то на стоянке у озера их не было. Может, дым костра или какие травки, сорванные еще охотником, отпугивали? А тут комары явились и стали доставать противным писком, норовя зайти на посадку в районе лица. Пару конкурентов в пищевой нише Иринка прихлопнула прямо на подлете и ускорила шаг.

– Р-р-р? – неуверенно спросили кусты с северо-западного края большой поляны, которую пересекала девушка.

Дремлющая на груди Маруся лениво приоткрыла один глаз и издала шипение:

– Чш-ш-ш…

«Р-р-р» мгновенно, со звуком схлопнувшихся челюстей смолкло и послышался удаляющийся треск какого-то крупного тела. Маруся и Иринка довольно переглянулись.

– Если вы в лесу никого не боитесь, значит, вы – самый страшный, – умиротворенно констатировала девушка, уже привычно почесала пушистую змеюку под подбородком и возобновила движение к цели.

Больше на безобидных дам (кто обидит – десяти секунд не проживет) никто пасти не разевал и клыков не скалил. То ли везло, то ли звери в чаще имели свой внутренний телеграф и отстукали общее оповещение о несъедобности путешественницы, шагающей с маскарадницей наперевес. Или о маскараднице, едущей на путешественнице. Не суть важно, главное – суть.

Как бы то ни было, но часа через три Иринка уже приблизилась к цели. Удивительное дело, мышцы тела не ныли, а лишь отзывались приятным звоном, давая понять, что им нравится такая нагрузка. В памяти-сборнике навыков и умений охотника, ставших частью Иришки, ничего на этот счет не значилось. Ивка, как помнила Иринка, всегда утомлялась быстро, даже быстрее многих иных, более тренированных женщин не только вампирской, но и человеческой крови. Не то чтобы избалованная, просто тепличная девочка, ни к какой

длительной нагрузке, будь то ходьба, бег или переноска груза, привычна не была. А тут и мышцы враз в тонус пришли, и сила откуда-то появилась. Неужто все метаморфозы от одной шоколадной закуски на привале? И если так, то как бы узнать, бонус этот постоянный или временный, пока у мышки не кончился завод? Если так, придется спешно искать какого-нибудь «шоколадного» злодея на закуску не только для того, чтобы не вернулось дикое чувство неустанного голода, а еще чтобы ловкость и сила, так радующие попаданку, не пропали. Обидно, досадно, но ладно, по ходу дела разберемся!

Мурлыкая под нос что-то из далекого детства – «раз дощечка, два дощечка», Иринка добралась до берега лесной реки. Песчаный откос густо порос хвойником, но узловатые корни, держащие склон, только облегчили девушке спуск. Цепляясь за них руками, она, не снимая заплечного мешка, ловко, как обезьянка, заскользила вниз. Сапоги охотника, надетые на две портянки, ступали мягко и именно на тот корень, куда целилась Ивка. Пальцы хватались за нужные места. Правда, Маруся не до конца верила в безупречные способности своей двуногой напарницы, поэтому головка ее чуть приподнялась, а язычок беспокойно ощупывал воздух. Возможно, маскарадница готовилась подстраховать Ивку и сыграть роль веревки, если у девушки что-то пойдет не так, как надо. Представив, как ее страхуют обхватом за шею, Иринка утроила внимательность при спуске и благополучно достигла цели. Таковой была вовсе не водная гладь, а скрытый среди корней, травы и кустарника лаз.

Девушка юркнула в него, как змейка в нору. Несколько шагов она проползла на коленях по песчаному, с примесью хвои и мелких веток полу. Дальше, как подсказывала память безымянного охотника-убийцы, уже можно было распрямиться и двигаться в полный рост. Света внутрь от заросшего лаза почти не попадало. Двигалась Иринка, ориентируясь больше на чужие воспоминания. Впрочем, секунд через двадцать она сообразила, что пусть очень смутно, но все-таки видит контуры коридора. Во всяком случае, лбом стенку не протаранит. Кажется, снова включились вампирские бонусы.

Спустя еще несколько шагов Иринка вошла в пещерку слишком идеально геометрической формы, чтобы быть творением матушки-природы. Во всяком случае, на квадратах та точно не специализировалась. На первый взгляд в пещерке не было ничего, кроме вездесущих хвоинок. Хотя, пожалуй, их было маловато. Ни единого камня, ветки, скелетика зверушки, пришедшей помереть своей смертью или ставшей трапезой для более сильного врага, тут тоже не имелось.

Зато свет, проникающий через незримые глазу отверстия, наличествовал ровно в такой степени, чтобы обеспечить пляску зловещих теней по всем поверхностям – полу, стенам, потолку. И еще здесь, в пещере, было значительно свежее, чем снаружи. Нет, не до образования льда. Но опять-таки ровно настолько, чтобы хотелось поежиться от неприятного холодка, бегущего по спине, и мурашек на руках.

Если б Иринка верила в привидения, она бы решила, что охотник вернулся к месту хранения своих сокровищ, чтобы стать их стражем и сомкнуть призрачные пальцы на горле каждого, осмелившегося покуситься на его добро. Но мнительностью и суеверием девушка отродясь не страдала, поэтому запахнула поплотнее жилетку и двинулась к дальнему левому углу пещеры.

Не добравшись до него, Ирина остановилась в паре метров, сбросила мешок и расчехлила топорик. Унаследованное орудие труда имело совершенно замечательную конфигурацию. Оно обладало чем-то вроде металлического широкого штыка на топорище. Именно его девушка и использовала, чтобы взрыхлить пол.

Копать плотный влажный песок было непросто. Но Иринка знала, что и где ищет. Свою добычу ее несостоявшийся убийца прятал именно здесь, наведываясь в пещеру время от времени, чтобы пополнить ухоронку.

Пухлый мешочек эльфийского шелка, материала, не подверженного гниению и не пропускающего влагу, появился на поверхности. Песок соскользнул с зеленой ткани, как вода с промасленного листа.

Иринка распустила завязки, хитро сплетенные из тех же шелковых нитей, и заглянула внутрь. В мешочке был не только ожидаемый тяжелый кожаный кошель, полный полновесного серебра и золота, но и второй изрядно набитый мешочек из того же эльфийского шелка, только цвета ночного неба. Девушка заглянула и туда.

Украшения – кольца, перстни, серьги, браслеты… Чего только внутри не было. Дорогое, красивое и… измаранное. Все драгоценности были, будто нарочно – нет, не будто, совершенно точно нарочно покрыты засохшей кровью бывших владельцев. Зашипела Маруська. Иринка, спокойно скушавшая вчера человека и не испытывавшая по этому поводу ни малейшей вины, сглотнула комок в горле.

Ее затошнило. И еще девушка поняла отчетливо: деньги она взять сможет, но эти украшения – никогда. Она никогда не сможет продать их кому-то, подарить или носить сама, как бы тщательно ни отмывала. Ей претила сама идея вынести эти кровавые вещи из пещеры. А вот закопать поглубже…

Почему-то самым правильным ей казалось оставить эти украшения здесь. Но не в той яме, которую выбрал убийца. Иринка снова взялась за топор, пройдя к центру квадратной пещерки, и вонзила штык в песок.

«Банг!» – глухо и угрожающе отозвались недра не каменным стуком, а сшибкой металла о металл.

Маруська заинтересованно вытянула мордочку, а девушка нахмурилась, но продолжала усердно копать. Сведений о других тайниках убийцы ее память не хранила, но она почему-то стала рыть именно здесь, очень надеясь, что не разоряет ничьего места последнего упокоения. Находка оказалась неожиданной.

На свет, вернее, в игре теней пещерки появилась квадратная по форме чаша из тяжелого, темно-красного с чернью золота. На ней не было узоров, загадочных знаков или рун. Ничего, кроме печати на дне, одной буквы, стилизованной под оскаленную черную пасть – символа Деварда Мертвителя. Так вот какое место выбрал убийца для хранения своей добычи! Вряд ли он знал, что прежде было в пещере и почему малый храм одного из Звездной Четверки оказался покинут. А может быть, это храм, как и укромное святилище Вейхо, был именно там, потому что так судили боги по неведомым для живых созданий причинам.

Но вполне возможно, наличествовал и самый банальный повод для запустения – изменилось русло реки, и дорога к храму перестала быть доступной для путников. Случалось, храмы вынужденно оставлялись служителями, тогда из них убирали все, свидетельствующее об изначальном предназначении, кроме алтарной чаши. А ритуальный сосуд убирали так, чтобы он не бросался в глаза. Пока есть чаша, храм жив, даже если всеми покинут, в нем всегда остается божественная частица покровителя, сколько бы веков ни минуло, сколько бы воды ни утекло.

Сейчас Иришка держала в руках холодную настолько, что стыли пальцы, прикасающиеся к металлу, чашу бога, которого хотела бы видеть своим

покровителем глупая Ивка. Сжимала и думала о том, насколько же равнодушная темнота Мертвителя чужда ей нынешней, хотя она теперь и принадлежит к вампирам и сама лишила жизни человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/firsanova_yuliya/vse-zlo-v-shokolade

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити